

Промелькнувший юбилей

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда.*

А.Ахматова. Тайны ремесла. 1940

25 января 2012 года исполнилось 100 лет со дня рождения Всеволода Андреевича Вахрамеева (1912–1986) – геолога, палеоботаника, члена-корреспондента АН СССР. Академия никак не отметила эту дату. Лишь в Геологическом институте¹, где всю жизнь проработал юбиляр, неприметно прошла памятная конференция, названная «международной». В число организаторов из ближайших учеников В.А. Вахрамеева вошел – да и то по должности – лишь его последний аспирант.

Ограниченным тиражом вышел в свет сборник тезисов, в большинстве своем не связанных с жизнью и научной деятельностью покойного ученого². Каждый участник памятного действия, пользуясь возможностью, преследовал свои интересы. Впрочем, как не раз с горечью отмечалось, «юбилей – всегда предательство, организованное, последовательное предательство»³. Ведь предавать покойного нетрудно: у живых свои дела, а мертвые, как известно, «сраму не имут».

После конференции воды Леты – реки забвения – вновь приняли юбиляра в свое холодное лоно. *Nic transit gloria mundi*⁴, сокрушенно покачали бы головой мудрые древние. И действительно, В.А. Вахрамеев был по-своему незаурядной личностью и заметной фигурой в отечественной палеоботанике. Таких как он, правда, не римляне, умников не любившие, а средневековые интеллектуалы называли «славой мира».

Наиболее полным и разносторонним источником сведений о личности, жизненном пути и научной деятельности В.А. Вахрамеева остается капитальный сборник, выпущенный к его 90-летию⁵. Правда, и в нем кое-что нуждается в

уточнении и дополнении, чему должны послужить настоящие заметки. Может показаться, что они снижают нарисованный в сборнике апологетический образ В.А. Вахрамеева. И это, наверное, так. Но, думается, истины, пусть даже низкие, все же дороже «возвышающего обмана». А о мертвых, вопреки суждению тех же римлян⁶, нужно говорить правду. Ведь от слабостей и недостатков каждый из нас не свободен. Не был лишен их и В.А. Вахрамеев. Но ценим его не за них, а за другое: за научные достижения и то добро, которое он сделал людям. Неслучайно над свежей его могилой великий С.В. Мейен мог сказать, не покрывив душой: «А.Н. Криштофович, В.Д. Принада и В.А. Вахрамеев – это три имени, с которыми <...> навсегда ассоциируется становление современного знания юрских и меловых флор СССР»⁷.

* * *

«Крупных палеоботанических лабораторий в мире мало, – сказал в той же речи С.В. Мейен, – и поэтому создание крупной, деятельной и очень авторитетной лаборатории В.А. Вахрамеевым надо рассматривать как событие большой важности в истории палеоботаники»⁸.

С этим трудно не согласиться. Но необходимо уточнить: круг создателей лаборатории палеофлористики ГИНа не В.А. Вахрамеевым начался и им не ограничивался.

Действительно, лаборатория палеофлористики была создана сразу в готовом, во всяком случае работоспособном, виде из нескольких ранее существовавших самостоятельно «блоков». Возникла она по решению директора ГИНа академиком Н.С. Шатского в целях реализации выдвинутой им программы по изучению структурных закономерностей размещения полезных ископаемых на территории СССР. Лаборатория (первоначально – отдел) должна была обслуживать важную составляющую программы, связанную с

¹ Далее – ГИН РАН.

² Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 100-летию Всеволода Андреевича Вахрамеева (1912–1986), 1–3 февраля 2012 г., ГИН РАН, Москва. – М.: ГЕОС, 2012. – 62 с.

³ Дурьлин С.Н. В своем углу. – М.: Молодая гвардия, 2006. – С. 691.

⁴ Так проходит слава мира (лат.).

⁵ Сборник памяти члена-корреспондента АН СССР, профессора Всеволода Андреевича Вахрамеева (к 90-летию со дня рождения). – М.: ГЕОС, 2002. – 336 с. (Далее – Сборник памяти).

⁶ De mortuis aut bene, aut nihil (О мертвых или хорошо, или ничего. – Лат.).

⁷ Мейен С.В. Памяти В.А. Вахрамеева // Сборник памяти. – С. 62.

⁸ Там же.

развитием стратиграфии континентальных отложений. Для этого, по замыслу Н.С. Шатского, следовало объединить в одном подразделении все палеоботанические силы института. По его распоряжению из отдела стратиграфии, которым руководил академик В.В. Меннер, были изъяты кабинет палеоботаники (зав. М.Ф. Нейбург) и спорово-пыльцевой кабинет (зав. С.Н. Наумова). К ним был добавлен спорово-пыльцевой кабинет, работавший под руководством Е.Д. Заклинской в отделе четвертичной геологии (зав. В.И. Громов). Вместе они составили отдел палеофлористики и стратиграфии континентальных отложений, руководить которым, опять же административно-командным путем, назначен был В.А. Вахрамеев⁹.

Сложно осознать, чем руководствовался при этом назначении Н.С. Шатский. В.А. Вахрамеев не был ни самым опытным, ни наиболее авторитетным из палеоботаников ГИНа. Под его началом оказались уже сложившиеся коллективы с установившимися отношениями между сотрудниками, со своими целями, приоритетами и, конечно, проблемами. Более того, как рассказывал автору С.В. Мейен, такие «зубры», как его наставница М.Ф. Нейбург, считали В.А. Вахрамеева чуть ли не ничтожеством и едва ли не в глаза называли глупцом. М.Ф. Нейбург демонстративно отказывалась обсуждать его доклады – как безграмотные и лишённые смысла. В кругу ее сторонников назначение В.А. Вахрамеева получило ярлык «Вахрамеевской ночи», с намеком на ночь Св. Варфоломея, под сенью которой французские католики предательски истребили множество своих соотечественников-гугенотов. До последней минуты они надеялись, что руководителем будет М.Ф. Нейбург, которая, после своего не состоявшегося назначения вплоть до кончины оставалась лидером оппозиции В.А. Вахрамееву внутри отдела.

Возможно, Н.С. Шатский принял во внимание относительно молодой возраст В.А. Вахрамеева (на 20 лет моложе М.Ф. Нейбург), его подчеркнутую лояльность, исполнительность, легкий характер и дружеские отношения с некоторыми из его ближайших учеников-выдвиженцев, прежде всего, с А.В. Пейве. Высокий, представительный, с начинающим лысеть лбом и добродушной улыбкой, В.А. Вахрамеев был романтиком по натуре, но его романтизм был лишен героики и идеализма. Он любил путешествовать. Был поклонником изящных искусств. Втайне пописывал стихи и пробовал себя в амплуа драматического актера.

⁹ См.: История Геологического института АН СССР. Развитие института, его научные школы и библиография трудов. – М.: Наука, 1980. – С. 27, 31. (Далее – История ГИНа).

В.А. Вахрамеев не был ученым-мыслителем, теоретиком от бога, как С.В. Мейен. В то же время, он не был лишен научных амбиций, хотя старался не выставлять их напоказ. Вместо этого он тихо делал традиционную карьеру, защищая одну диссертацию за другой. Лидерские качества, как и вредные привычки, у него отсутствовали. К некоему подобию решительных действий В.А. был способен лишь тогда, когда оказывался загнанным в угол¹⁰. К тому же биография В.А. была подпорчена социальным происхождением, касаться которого он боялся даже много лет спустя после смерти «отца народов»¹¹. Естественно, В.А. Вахрамеев был беспартийным. Все это делало его управляемым и зависимым. С таким назначенцем у сильной личности и руководителя, как Н.С. Шатский, с возрастом начинавшего слабеть, не должно было возникать проблем.

Иное дело М.Ф. Нейбург. Уроженка Томска, дочь ссыльного поселенца Фридриха Нейбурга, она еще при царском режиме была активной участницей социал-демократических кружков. Смелая и решительная, с властным, волевым характером, ответственная и добросовестная, ставившая общеинститутское дело выше всего личного, Нейбург уже занимала пост заместителя директора в Институте геологических наук АН СССР в Ленинграде. Многие в ГИНе ее побаивались. Н.С. Шатскому пришлось бы считаться с ней как с самостоятельной «тяжелой» фигурой. В определенной степени он, по-видимому, остерегался М.Ф., как сильный остерегается сильного, хотя внешне отношения их были вполне безоблачными.

¹⁰ Свойственные В.А. робость и чрезмерная интеллигентская мягкость не раз наводили некоторых сотрудников лаборатории на мысль, что лучший способ добиться от него желаемого – кричать на него. При этом В.А. обычно не решался прибегать к помощи своих высокопоставленных друзей.

«В.А., – спрашивали его, – почему Вы не сходите к А.В. Пейве. Он ваш друг, Вам так просто его попросить.

– Мы действительно старые друзья. Но по той же причине и ему просто мне отказать, – отвечал В.А.

– А ты, Севка, молчи», – отмахивался от него постоянно занятый разными делами А.В. Пейве.

¹¹ В «Сборнике памяти» (с. 41 и сл.) его отцом назван инженер А.Н. Вахрамеев, отпрыск старинного ярославского купеческого рода. Но ходившие вокруг В.А. слухи, которых он боялся, несли на своих крыльях более обидную, а главное опасную, версию. Говорили, будто В.А. – внебрачный сын табачного фабриканта, владельца предприятия «Ярославские сигары Вахрамеева». Позднее среди сотрудников лаборатории палеофлористики явился доброхот, который, покопавшись в родословной Вахрамеевых, выяснил, что они ведут свой род от некоего «ушкуйника Вахрамеева». Возникшее неожиданно-негаданно кровное родство с «лихим человеком», возможно разбойником, В.А. озадачило и расстроило.

Соглашаясь на назначение, В.А. Вахрамеев сильно колебался, но в конце концов амбиции, умело подогретье Н.С. Шатским и подкрепленные его заверениями в поддержке, одержали верх над страхами и опасениями.

Назначение при таких обстоятельствах, по крайней мере на первых порах, с неизбежностью обрекало В.А. на роль «слабого», «технического» заведующего, с которой ему приходилось мириться. Первые годы заведования он продержался за счет внешнего административного ресурса, который до 1956 года находился в руках Н.С. Шатского, а после его кончины перешел к академику А.В. Пейве, сменившему Шатского на посту директора ГИНа. С А.В. Пейве, как упомянуто, В.А. Вахрамеева связывали многолетние узы близкой дружбы.

В 1956–1960 годах все это отражалось не только на структуре, но и на руководстве тематикой отдела палеофлористики и стратиграфии континентальных отложений, где существовали две «неструктурные лаборатории»: по изучению протерозойских, палеозойских и мезозойских спор и пыльцы (глава – С.Н. Наумова) и по изучению спор и пыльцы кайнозоя и четвертичной системы (глава – Е.Д. Заклинская)¹².

Руководство общей темой отдела: «Ископаемые флоры, как основа стратиграфии преимущественно континентальных толщ СССР» – В.А. Вахрамееву пришлось делить с М.Ф. Нейбург, которой он побаивался и старался не попадаться лишней раз на глаза.

«Федеративное» устройство лаборатории палеофлористики ГИНа пережило не только В.А. Вахрамеева, но и его преемника – С.В. Мейена (1935–1987). Последний островок «незалежности» – «кабинет палинологии кайнофита» Е.Д. Заклинской¹³ перестал существовать лишь при М.А. Ахметьеве, который занял место заведующего после безвременной кончины С.В. Мейена. М.А. Ахметьев отошел от исповедовавшейся его предшественниками максимы, согласно которой «хороший руководитель лаборатории может вдохновлять своих сотрудников на выбор тематики и методов работы. Но он лишает лабораторию будущего, если становится диктатором или просто недостаточно стремится поднять своих сотрудников до максимально высокого уровня, который только и может обеспечить сочетание разумной инициативы с высшим потенциалом творчества»¹⁴.

¹² История ГИНа. – С. 31.

¹³ Подробнее об этом см.: *Игнатъев И.А.* Памяти Е.Д. Заклинской // *Lethaea rossica*. Российский палеоботанический журн. – 2010. – Т. 2. – С. 90–94.

¹⁴ *Мейен С.В.* Памяти В.А. Вахрамеева // *Сборник памяти*. – С. 62.

* * *

Положение В.А. Вахрамеева в лаборатории начало меняться в 1962 году, после трагической гибели М.Ф. Нейбург. Оппозиция потеряла своего лидера.

Неизвестно, знал ли В.А. Вахрамеев римскую поговорку времен императора Диоклетиана: «Сыновей цезарей возвышают – или убивают». Поступил он, во всяком случае, в соответствии с ней, когда помог ближайшему ученику М.Ф. Нейбург – С.В. Мейену защитить кандидатскую, а затем докторскую диссертации, сделал своим заместителем, а затем и преемником. И не про считался. Все годы их совместной работы С.В. Мейен был к нему лоялен.

В то же время, их взаимоотношения не были простыми и искренними до конца. Их связывал как бы негласный договор, обеспечивавший лояльность одного в обмен на поддержку и невмешательство в дела со стороны другого. Близки они не были.

С.В. Мейен, особенно в молодости, был крайне честолюбив и, не афишируя своих намерений, стремился к высокому положению в академической иерархии. После кончины М.Ф. Нейбург, лишившись ее покровительства, он вынужден был искать поддержки у руководства, у того же В.А. Вахрамеева. Однако по мере укрепления своих позиций, он действовал все более самостоятельно и в личных интересах, которые отождествлял с интересами дела.

В.А. Вахрамеев тому не препятствовал, стараясь сохранять сложившееся равновесие. Чувствуя сопротивление, он предпочитал отступать. Например, вернувшись со стажировки в Палеоботаническом институте им. Б.Сани в Лакнау (Индия), С.В. Мейен в ответ на предложение В.А. отказаться разделить с ним полученный во время поездки крупнейший научный результат – вывод о самостоятельности ангарской и гондванской флор в позднем палеозое, написав совместную статью. «В глазах папочки¹⁵ я увидел зависть», – поведал он в письме к своему приятелю А.А. Лазаренко¹⁶. По совету академика Н.Н. Страхова, это обобщение легло в основу докторской диссертации С.В.

Будучи одним из исполнителей и ведущим теоретиком крупнейшего научно-организационного проекта В.А. Вахрамеева¹⁷, С.В. Мейен ста-

¹⁵ Прозвище В.А. Вахрамеева в лаборатории палеофлористики (см. ниже).

¹⁶ Хранится в научном архиве С.В. Мейена.

¹⁷ «Основные этапы развития флор позднего палеозоя и мезозоя Евразии и палеофлористические провинции этого времени» (1965–1967).

рался подчеркнуть свою независимость от него¹⁸. Написанные им главы к итоговой монографии по проекту¹⁹ он собрал воедино и хотел издать под своим именем на английском языке.

Как близкий ученик С.В. Мейена, могу засвидетельствовать, что в своем кругу он весьма сдержанно и критически отзывался о В.А. Вахрамееве как ученом. «Все идеи папочки, – говорил он, – лежат на поверхности». С.В. с нескрываемой иронией относился к таким увлечениям В.А., как собирание художественных альбомов или романов Агаты Кристи. Своим ученикам он недвусмысленно давал понять, что настоящий ученый не может позволять себе подобных хобби.

С.В. курировал «палеозойскую» тематику в лаборатории и в «Палеонтологическом журнале», членом редколлегии которой состоял В.А. Вахрамеев. С.В. выполнял важнейшую работу по составлению программ лаборатории, определяя тематику и направленность исследований. Идея перехода к изучению флорогенеза и ее теоретическое обоснование, нашедшая отражение в плане лаборатории на 1986–1990 годы²⁰, сформулирована С.В. Мейеном.

При этом В.А. не перекладывал на плечи С.В. бюрократическую, «бумажную» сторону руководства подразделением, как и неприятные обязанности, вроде отправки людей на овощную базу или решение вопросов техники безопасности. С.В. ценил это и был В.А. благодарен.

В то же время, В.А., человек нерешительный и застенчивый, имел слабость перепоручать С.В. деликатные или щекотливые дела. В том числе, связанные с нарушениями норм общественной морали (в то время руководители обязаны были следить и за этой стороной жизни сотрудников).

В отношении «неструктурных частей» лаборатории В.А. Вахрамеев проводил политику «невмешательства во внутренние дела», к числу которых относились не только научные, но и кадровые вопросы. Это относилось прежде всего к палеозойской группе, лидером которой был С.В. Мейен, и к «кабинету палинологии кайнофита», который возглавляла Е.Д. Заклинская. Как дипломатично выражался С.В. Мейен, В.А. помогал, советовал... только когда возникала нужда.

Проводя политику «нейтралитета», В.А. в то же время не упускал случая ослабить «неструктурные лаборатории» отдела, беря под свое покровительство недовольных их лидерами. Так было, например, с Е.С. Рассказовой, не сработавшейся с М.Ф. Нейбург, и с М.П. Долуденко, выроченной им из-под тяжелой руки С.Н. Наумовой. Не находя общего языка с честолюбивой Е.Д. Заклинской, В.А. старался завести «своих» палинологов, прежде всего, в лице аспирантки О.П. Ярошенко и И.З. Котовой.

Чтобы усилить свое влияние в лаборатории, В.А. Вахрамеев, избегая конфликтов с представителями старшего поколения, пытался опереться на молодых. Он едва ли был знаком с идеями Московского методологического кружка и его лидера Г.П. Щедровицкого. Но, объединяя вокруг себя молодежь, В.А. старался не только способствовать карьерному росту молодых сотрудников, но и объединить их неформальными отношениями по типу «большой семьи», в которой сам играл роль «отца»²¹. Это создавало моральное единство и сплоченность, позволяло задействовать коллективные механизмы регуляции поведения сотрудников. Снимало или уменьшало остроту многих конфликтных ситуаций.

В то же время как организатор науки В.А. Вахрамеев был очевидно слаб, так как не был научным лидером, теоретиком, способным поставить сложные проблемы, наметить пути их решения, а главное – направить работу сотрудников. Например, в вышеупомянутом проекте «Основные этапы развития флор позднего палеозоя и мезозоя Евразии и палеофлористические провинции этого времени» он так и не смог добиться от И.А. Добрускиной внятных схем районирования для триаса. В итоге получился весьма сомнительный с ботанико-географической точки зрения результат: глобальная фитогеографическая дедифференциация в триасе, которая в юре сменилась восстановлением крупнейших палеофитохорий. Не удалось согласовать с данными по макрофлоре и результаты районирования по спорам и пыльце, полученные Е.Д. Заклинской.

Естественно, В.А. не создал и не мог создать своей научной школы.

* * *

В «Сборнике памяти», по законам апологетического жанра, не раз подчеркивалось, что В.А. Вахрамеев был учеником и идейным преемником А.Н. Криштофовича. Каковы, однако, были их отношения, как сейчас говорят, «без глянца»?

¹⁸ См.: Мейен С.В. Следы трав индейских. М.: Мысль, 1981. – С. 31 и сл.

¹⁹ Vakhrameev V.A., Dobruskina I.A., Meyen S.V., Zaklinskaya E.D. Paläozoische und mesozoische floren Eurasiens und die Phytogeographie dieser Zeit. Jena: VEB Gustav Fischer Verlag, 1978. 300 S.

²⁰ Концепция палеофлористических исследований // Сборник памяти. – С. 119. Мейен С.В. Основные проблемы палеофлористики. – Там же. С. 119–121.

²¹ Потому и прозвище Папочка.

В.А. был знаком с А.Н. Криштофовичем с предвоенных лет. Когда выпадал случай, они общались, время от времени переписывались. А.Н. Криштофович был официальным оппонентом докторской диссертации В.А. Вахрамеева, ценил его работы по изучению меловой флоры Западного Казахстана, из которых, однако, сам делал важные выводы (например, о наличии в этих районах непрерывного перехода между нижне- и верхнемеловыми флорами). Все это позволяет подразумевать между ними не столько отношения учителя и ученика, сколько старшего коллеги с младшим, и не обучение, а обмен опытом, точнее, попытки А.Н. обратить внимание В.А. на те моменты, которые казались важными и интересными.

Для подлинного ученичества не хватало лет, проведенных вместе, в тесном контакте, когда палеоботаническое знание передается «из рук в руки», от учителя к ученику, в ходе совместных исследований, наблюдений, обсуждения результатов.

Идейная преемственность между А.Н. Криштофовичем и В.А. Вахрамеевым если и присутствовала, то была невелика. А.Н. был выдающимся теоретиком: глубоким эволюционистом, создателем оригинальной филоценогенетической концепции исторического развития растительного покрова Земли. В фитогеографии он отстаивал физиономический подход к районированию и классификации древних флор, считая флористические методы сугубо формальными процедурами. Все это было выше понимания В.А., не имевшего к тому же необходимого биологического образования. Его теоретические представления носили упрощенный характер. Доступными для В.А. оказались флористические подходы, которые отрицал А.Н. Криштофович, прежде всего разработанные Е.В. Вульфом. У Вульфа же В.А. Вахрамеев позаимствовал идею об определяющем влиянии аридных поясов на расположение палеофитохорий и историческое развитие флор.

* * *

В мае 1986 года В.А. Вахрамеев неожиданно для многих по своей инициативе покинул пост заведующего лабораторией, передав полномочия

С.В. Мейену. Вздохнул полной грудью живший в его душе человек искусства, а для Вахрамеева-ученого блеснула золотом «осень патриарха»: дарованный свыше, как оказалось недолгий, срок спокойной работы над итоговой монографией.

Решение уйти далось В.А. нелегко и вызвало с разных сторон болезненную реакцию. Нелегкий разговор состоялся с А.В. Пейве, который много лет поддерживал его, организовал избрание В.А. в члены-корреспонденты АН СССР. В.А. ссылаясь на преклонный возраст, здоровье и достойную смену в лице С.В. Мейена. «Можешь поступить и так, – веско возразил А.В. Пейве, – но учти: ты создаешь прецедент для всех нас. По возрасту у нас еще никто не уходил. Подумай!» Но В.А. убедить себя не дал.

Истерику закатил В.А. Вахрамееву один из сотрудников, который мечтал занять его место и с этой целью плел тенета, ловко играя на тяге В.А. к искусству и путешествиям. Многого он, правда, не добился, поскольку В.А. считал его человеком безнравственным. Явившись к В.А., он заявил, что если С.В. Мейен станет завом, то он (имярек) уйдет из лаборатории. Огорченный, В.А. поспешил к С.В. Мейену. Обсудив, они решили шантажу не поддаваться. Но предпринять ответные шаги не пришлось. Ретивый претендент затих так же неожиданно, как возник. Как выяснилось позднее, от знакомого медика он узнал, что С.В. Мейен болен раком, дни его сочтены и путь к вожделенному месту – открыт.

* * *

В.А. Вахрамеев любил свою науку, но не жил ею одной, раздвоенный, разделенный между ней и художественными привязанностями и интересами. Последних было немало и потому не удивительно, что они в конце-концов взяли верх. В противоположность С.В. Мейену, В.А. не был образцом ученого, но, по меткой характеристике одной из его коллег, «жил красиво, увлеченно». Несмотря на это, он преуспел в науке, и не в последнюю очередь благодаря поддержке друзей-покровителей из окружения Н.С. Шатского, которые охотно продвигали его, поскольку В.А. не претендовал на многое, не проявлял излишней, с их точки зрения, самостоятельности, а главное – был всегда лоялен и готов к сотрудничеству.

И.А. Игнатьев